

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(450.341).033+94(560)''15''

ЭКСТРАОРДИНАРНАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ДЖАКОМО СОРАНЦО В КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 1582 ГОДУ

М. В. Третьякова

Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал,
кафедра всемирной истории г. Арзамас, Россия

В статье раскрываются особенности экстраординарной дипломатической миссии венецианского нобиля Джакомо Соранцо в Константинополе в 1582 г. На основе анализа отчёта и дневника путешествия показан посольский этикет турецкой дипломатической практики. Его элементы в Османской империи были такие же, как в Европе, но при этом судьба посольства находилась всецело во власти султана. Приглашение официальных представителей европейских правителей для участия в празднике обрезания сына султана было обязательным, сложность дипломатического положения Венеция состояла в том, что отказаться от такой миссии в XVI в. венецианские правители не имели возможности. Показывается, что венецианцы неодобрительно восприняли ритуалы комменсальности при дворе турецкого султана: их неприятно удивили отсутствие столовой мебели и столовых приборов, невозможность соблюдать за столом гигиену, неподходящие напитки.

Ключевые слова: венецианский посол, Османская империя, XVI в., итоговый отчёт, дипломатическая миссия.

К началу 80-х гг. XVI в. относится завершение дипломатической деятельности венецианского нобиля Джакомо Соранцо (1518–1599). В 1582 г. он был отправлен во главе экстраординарного посольства Республики св. Марка в Константинополь. Поводом миссии являлась необходимость представителей Венеции присутствовать на празднике обрезания сына турецкого султана.

Надо сказать, что это была не первая поездка Джакомо Соранцо в Константинополь. Так, в 1565 г. после окончания своей миссии в Риме Джакомо Соранцо свой отчет об этом посольстве завершил обращением к Республике с просьбой не отправлять его в связи с неважным состоянием здоровья байло/баюйло (bailo/baiulo) в Константинополь, на должность которого его избрали, ссылаясь на запрет врачей и их обеспокоенность его физическим состоянием. Правда, Е. Альбери, пересказывая кратко эту часть отчета Джакомо Со-

ранцо, отметил, что, несмотря на неблагоприятные прогнозы врачей и собственные жалобы, венецианец прожил ещё 34 года¹.

В исторической литературе можно найти две диаметрально противоположные точки зрения на то, как воспринимали венецианские нобили своё назначение на пост байло. Первая связана с именем Д. Квеллера, полагавшего, что магистратура дипломатического представителя Венеции в Османской империи перестала быть привлекательной для венецианских нобилей. Он объяснял это тем, что эта должность в глазах венецианских исполнителей дипломатических поручений со второй половины XV в. потеряла свою престижность и стала считаться опасной для жизни и обременительной в финансовом отношении². Хотя столетием ранее пост байло был одним из наиболее важных среди дипломатических представительств венецианской дипломатической «табели о рангах».

Это утверждение Д. Квеллера в какой-то степени подтверждает поведение Джакомо Соранцо в 1565 г., когда он пытался отказаться по уважительной причине от байлата в Константинополе. К сожалению, невозможно выяснить, насколько реальна она была на самом деле, или просто Джакомо Соранцо пытался найти такой благовидный предлог, чтобы не отправляться в далекое путешествие. К тому же, 1565 г. был сложным периодом в отношениях между Венецией и Османской империей – кануном Кипрской войны 1570–1573 гг.³ Возможно, именно этот комплекс обстоятельств и вызвал просьбу Джакомо Соранцо о неотправке его на Восток. И, видимо, всё-таки просьба Джакомо Соранцо не была принята во внимание венецианскими властями, ибо его фамилия значится в списке венецианских байло в Константинополе за 1566–1568 гг.⁴

Второй точки зрения придерживаются Э. Дурстелер и М. П. Педани, считавшие, что напротив должность байло в Константинополе являлась в XVI в. одной из важных среди дипломатических магистратур, поскольку играла значимую роль в венециано-турецких отношениях. Они пишут, что успешная деятельность в должности байло могла служить признанием

---

¹ *Relazione di Roma di Giacomo Soranzo, 1565 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albiri. Volume X. Serie II. Tomo IV. Firenze, 1857. P. 156.*

² *Queller D. The office of ambassador in the Middle Ages. Princeton, 1967. P. 159.*

³ *Норвич Д. История венецианской республики. М.: АСТ, 2009; Bouwsma W. J. Venice and the defence of republican liberty. Berkeley; L. Angeles, 1968; Hazzlit W. C. The Venetian Republic, its Rise, its Growth and Its Fall. L., 1900–1902. Voll. 2.*

Norvich D., Istorija venecianskoj respubliki, M., AST, 2009.

⁴ *Pedani M.P. Elenco degli inviati diplomatici veneziani presso i sovrani ottomani, in: Electronic Journal of Oriental Studies, 5/4 (2002), pp. 1-54. P. 30. URL: http://venus.unive.it/mpedani/onlinepapers/044_ejos_pedani_envoys.pdf. Date accessed: 14 Jan. 2016; *Suna Suner: The General Index of the Ambassadors to and from the Ottoman Empire, in: Don Juan Archiv Wien online: URL: <http://archive.donjuanarchiv.at/go/bot/-76>. Date accessed: 14 Jan. 2016.**

профессионализма нобилы и почти всегда рассматривалась как трамплин к более важным магистратурам в венецианском государственном аппарате⁵.

Подтверждение этой точки зрения тоже в какой-то степени можно найти в словах автора «Отчета и дневника путешествия в Константинополь», писавшего, что посольство расценивалось его участниками, как достаточно почетное⁶.

Видимо, истина как всегда где-то посередине. С одной стороны, байлат в Константинополе – магистратура престижная, открывавшая огромные возможности для дальнейшей карьеры, но, с другой стороны, опасная и дорогостоящая.

Ещё раз Джакомо Соранцо оказался в Константинополе в 1575 г.⁷, возглавляя экстраординарное посольство Венеции, чтобы принести соболезнования турецкому султану Мураду III (1574–1595 гг.) по поводу смерти его отца, султана Селима II (1566–1574 гг.).

И, наконец, в 1582 г. он снова был отправлен в Константинополь. На должность экстраординарного посла к турецкому султану он был избран в августе 1581 г.⁸, а точнее 28 августа 1581 г., поручение (*commissione*) от правительства получил 10 марта 1582 г., депеши на родину писал с 27 апреля 1582 г. по 3 февраля 1583 г.⁹.

О посольстве Джакомо Соранцо сообщал в своем статейном списке и Яков Молвянинов, посетивший во время своего посольства в 1582–1583 гг. к римскому папе и венецианского дожа, отметив, что венецианский дож отправил к турецкому султану на «рождение и обрезание сына своего посланника Сорациуса, думного человека лучшего»¹⁰.

---

⁵ *Dursteler E. R.* The Bailo in Constantinople: Crisis and Career in Venice's Early Modern Diplomatic Corps // *Mediterranean Historical Review*. № 2 (December 2001). Vol. 16. P. 21. URL: <http://levantineheritage.com/pdf/Dursteler.pdf>. Date accessed: 21 Nov. 2015; *Pedani M. P.* Bailo // *Encyclopaedia of the Ottoman Empire* / Ed. by Gabor Egoston and Bruce Masters. New York NY, Facts on File, 2009. P. 73. URL: <http://eknigi.org/istorija/93331-encyclopedia-of-the-ottoman-empire.html>. Date accessed: 14 Jan. 2016.

⁶ *Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo ambasciatore della Repubblica di Venezia per il Ritaglio di Mehemet figliuolo di Amurat imperatore dei Turchi l' anno 1581 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albigi. Serie III. Firenze, 1844. Vol. II. P. 212 (далее – Relazione).*

⁷ *Relazione dell'impero Ottomano del clarissimo Giacomo Soranzo, ritornato ambasciatore da Sultano Amurat li 8 di novembre 1576 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albigi. Serie III. Firenze, 1844. Vol. II.*

⁸ *Alburi E.* Cenni biografici intorno a Giacomo Soranzo // *Le Relazioni degli Ambasciatori veneti al Senato durante il Secolo decimosesto* / Ed. E. Albigi. Firenze, 1857. Vol. X. Serie II. T. IV. P. 125.

⁹ *Pedani M. P.* Op. cit. P. 34.

¹⁰ *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.* СПб., 1851. Т. 1. Ч. 1: *Памятники сношений древней России с европейскими государствами. Памятники сношений древней России с империей Римскою.* Стб. 893.

Специфика этого донесения Джакомо Соранцо, по мнению Е. Альбери, проявилась в его названии – «Отчёт и дневник путешествия Якопо Соранцо, посла Республики Венеции, отправленного для участия в празднике обрезания Мехмеда, сына Амурата, императора турок, год 1581»¹¹. Е. Альбери заметил, что «такое заглавие этой записи представляется не названием реляции посла», предположив, что ее «составил один из венецианских синьоров, сопровождавших посла, о чем несколько раз повторил автор текста»¹². Как видим, автор послания остался неизвестным, хотя, возможно, им мог быть и сам Джакомо Соранцо, но писавший от третьего лица.

Следует отметить, что похожи заглавия у сообщений Джакомо Соранцо от 1575 г. – «Дневник путешествия в Константинополь, совершенного Джакомо Соранцо, экстраординарного посла Светлейшей Республики Венеции к султану Мураду III в компании Джованни Коррера, байло при Османской Порте, описанного неизвестным автором, сопровождавшим Соранцо в 1575 г.»¹³ и у Паоло Контарини от 1580 г. – «Дневник о путешествии из Венеции в Константинополь Паоло Контарини, который был байло Венецианской республики при Османской Порте в 1580 г.»¹⁴. Возможно, свои отчеты о вояжах в Константинополь венецианские авторы предпочитали именовать «Дневниками». Обратим внимание, что текст «Дневника путешествия в Константинополь» Джакомо Соранцо от 1575 г. будет положен в основу текста «Дневника путешествия» Джакомо Соранцо от 1582 г. Естественно, с некоторыми корректировками и дополнениями, сообразными времени, прошедшему со дня путешествия 1575 г.

По нашему мнению, необычность этого отчета скорее заключается в том, что он составлен не по схеме обычных итоговых отчетов венецианских послов (*Relazione*), где почти всегда приводятся следующие данные: слова обращения к дожу и венецианскому сенату; предлагается структура отчета, то о чем собирается сказать высокому собранию посол (иногда); физико-географические характеристики места пребывания посла (где находится, размеры, что произрастает, климат, население, их обычаи); исторические экскурсии (достаточно часто); социальная структура страны; доходы и расходы; двор, характеристики первых лиц государства, придворные сплетни; взаимоотношения с правителями других стран, особо выделяя то, как правитель, при дворе которого был аккредитован дипломат, относится к венециан-

---

Pamjatniki diplomatskih snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi, SPb., 1851, T. 1, Ch. 1, Pamjatniki snoshenij drevnej Rossii s evropejskimi gosudarstvami. Pamjatniki snoshenij drevnej Rossii s imperiej Rimskoj, Stb. 893.

¹¹ *Relazione*. P. 209–253.

¹² *Alburi E. Avvertimento // Relazione*. P. 210.

¹³ *Diario del Viaggio a Costantinopoli fatto da M. Iacopo Soranzo, ambasciatore straordinario della Serenissima Repubblica di Venezia al sultano Murad III, in compagnia di m. Giovanni Correr bailo alla Porta ottomana, descritto da anonimo che fu al seguito del Soranzo 1575 / Ed. V. Lazari. Venezia, 1856. (nozze Trieste-Vivante).*

¹⁴ *Diario di un viaggio da Venezia a Costantinopoli di M. Paolo Contarini che andava bailo per la repubblica veneta alla porta ottomana nel 1580 / M. Paolo Contarini. Venezia, 1856.*

скому дожу (Венеции) и собственно к послу, составившему отчет; в конце отчета включались (не всегда) слова признательности тем, кто посла сопровождал в посольстве, и говорилось (иногда) о своей готовности служить республике и / или своем рвении при выполнении этой миссии, о дарах, полученных от правителя и о нежелании с ними расставаться (иногда).

Данный же отчет составлен по совершенно иному плану: причина отправки посольства к турецкому султану, состав посольства, маршрут посольства, с краткой характеристикой тех мест, которые проходили во время путешествия, прибытие в Константинополь, посещение первых лиц государства, аудиенция у турецкого султана, подношение даров султану, описание собственно праздника обрезания, получение ответных даров от султана, характеристика первых лиц государства: султана, его семьи, высших чиновников, описание наиболее интересных обычаев османского государства. Кроме того, как уже отмечалось, возможно, что этот отчет был составлен не Джакомо Соранцо, а кем-то из участников этого посольства. Фактически от традиционного итогового отчета венецианских послов остались только характеристики первых лиц государства, физико-географическое описание тех мест, по которым пролегал маршрут посольства, и исторические экскурсии.

В данной статье остановимся на специфике посольского этикета при дворе турецкого султана и восприятию венецианскими дипломатами обычаев османского государства.

Важнейшим обрядом инициации в мусульманских странах являлось обрезание восьмилетних мальчиков. Венецианец пишет, что турки процедуру обрезания (*суннет*) использовали как повод, чтобы устроить празднество, которое по своему размаху соответствовало статусу, занимаемому устройтелем. Если же речь шла об обрезании сына турецкого султана, то праздник приобретал государственный характер и отмечался масштабно с обязательным участием в нём представителей европейских правителей. Традиция приглашать глав европейских стран на эти праздничные мероприятия зародилась при Мехмеде II (1451–1481). Правда, в 1457 г. венецианский дож Франческо Фоскари отказался принять участие в празднике¹⁵. В XVI в., особенно после Кипрской войны (1570–1573) проигнорировать приглашение турецкого султана венецианское правительство не имело возможности, да и к этому времени сложилась традиция отправлять экстраординарных послов в Константинополь в таких случаях, как восшествие

---

¹⁵ Фрили Д. Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск: Русич, 2004. URL:<http://iknigi.net/avtor-dzhon-frili/72780-tayny-osmanskogo-dvora-chastnaya-zhizn-sultanov-dzhon-frili/read/page-6.html>. Дата обращения: 21 ноября 2015.

Фрили Д. Tajny osmanskogo dvora. Chastnaja zhizn' sultanov. Smolensk: Rusich, 2004. URL:<http://iknigi.net/avtor-dzhon-frili/72780-tayny-osmanskogo-dvora-chastnaya-zhizn-sultanov-dzhon-frili/read/page-6.html>. Date accessed: 21 Nov. 2015.

на престол нового султана, обрезание сына султана, возобновления капитуляций, или заключение / обсуждение мирных переговоров¹⁶.

Приглашение Венецианская республика для участия в этом празднике получила через курьера турецкого султана. Как пишет венецианец, чтобы организовать праздничные мероприятия по этому поводу, султан Мурад III, желая отпраздновать обрезание своего сына Мехмеда, «... в подражание султану Сулейману¹⁷ и для большего торжества и величия своего единственного ребенка» оповестил через своего чауша (ciaussi) (курьера) о государственном празднике императора, короля Франции, короля Польши и синьорию Венеции, дабы те отправили к Порте своих послов для участия в этом событии¹⁸.

Правительство Венеции решило принять это приглашение и отправить одного из знатных своих нобилей для участия в этой церемонии, сделав свой выбор в пользу «достопадного синьора Якопо Соранцо», отличавшегося «благоразумием, благородством и достоинством», бывшего ранее байло в Порте, знакомого с тамошней ситуацией, а, следовательно, «полезного и ценного»¹⁹.

В состав этой делегации вошли представители Венеции и других итальянских государств. По словам автора отчета, мотивами, определявшими желание итальянцев принять участие в вояже, являлись: во-первых, служение на благо родине («служба своей синьории достопадной в этом путешествии»); во-вторых, туризм («пользуясь благородной и редкой возможностью увидеть Порту, безопасность и удобство пути»); в-третьих, меркантильность («... позволяло приобрести много вещей, включая и милости этого Синьора (султана. – М. Т.)»²⁰). Судя по словам автора этого дневника, желающих было много, но из-за того, что не всем могло хватить места на галеех и из-за сложности путешествия, не все смогли принять участие в посольстве. Список в конечном итоге был составлен, и в него были включены: венецианцы Андреа Морозини, Франческо Руццини, Бернардо Капелло, Пьетро Долфин, Джироламо Корнаро; римлянин Ливиио Мафиеи; болонцы Арриго Орси, Алессандро Сенеси; вичентинцы Рануччо Триссини, Куио Онани; из Фолиньо (Foligno): Ливиио да Челлино; албанец: Деметрио Ласкари²¹. Если говорить об участниках посольства со стороны Венеции, то это были представители знатных венецианских патрицианских семей. В силу недостаточности данных, сложно судить о степени знатности прочих участников посольства.

---

¹⁶ *Dursteler E. R. Op. cit., P. 3.*

¹⁷ *Фрили Д. Указ. соч.*

Frili D., Op. cit.

¹⁸ *Relazione. P. 211.*

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Ibid, P. 212.*

²¹ *Ibidem.*

Для посольства были снаряжены от синьории Венеции две галеры с искусным экипажем²². Был определен день отправки, им стало 23 марта 1582 г.²³. Правда, с острова Лидо в путь посольство смогло отправиться лишь спустя несколько дней, т.е. 27 марта, из-за того, что не было попутного ветра.

Маршрут путешествия был традиционен, такой, каким обычно добирались до Константинополя венецианские караваны²⁴: Венеция – Истрия (Пула) – Задар – Рагуза – Корфу – Закинф – Китера – Константинополь²⁵.

Многие из этих мест служили для посольства местами отдыха, пополнения запасов воды и провианта, иногда приходилось задерживаться из-за отсутствия благоприятного ветра. В общей сложности путешествие от Венеции до Константинополя заняло почти два месяца, продолжаясь с 27 марта до 20-х чисел мая²⁶.

В пригородах Константинополя делегацию встречали байло²⁷ и чауш. Венецианским байло в 1580–1582 гг. г. был Паоло Контарини (1529–1585)²⁸.

Посольство было размещено в районе Виноградников Перы²⁹ во дворце венецианского байло. В резиденции байло венецианского посла посетили находившиеся в Константинополе послы Рагузы, императора, королей Франции и Польши, а также чауши и христиане-рenegаты³⁰.

Торжественный въезд в город посла³¹ проходил так: посольство было встречено у границ Константинополя главой чаушей с большой свитой, все они были пышно одеты и на дорогих конях. Официальных лиц турецкой стороны сопровождали пешие и конные янычары. Затем все отправились в дом байло в Виноградниках Перы, где прибывших приветствовали

---

²² Relazione, P. 213.

²³ Ibidem.

²⁴ Карпов С. П. Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 82–97.

Карпов С. П., *Marshruty chernomorskoj navigacii venecijskih galej «linii» v XIV–XV vv.*, Vizantija. Sredizemnomor'e. Slavjanskij mir, M., Izdatel'stvo Moskovskogo Gosudarstvennogo universiteta, 1991, S. 82–97.

²⁵ Relazione. P. 213–223.

²⁶ Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М., 2006. С. 216.

Mantran R., *Povsednevnaja zhizn' Stambula v jepohu Sulejmana Velikolepnogo*. M., 2006, S. 216.

²⁷ Там же. С. 186, 189, 197.

Ibid, S. 186, 189, 197.

²⁸ Dursteler E. R. Op. cit. P. 30; Pedani M. P. Elenco degli inviati diplomatici veneziani... P. 33–34.

²⁹ Мантран Р. Указ. соч. С. 32–33.

Mantran R., Op. cit., S. 32–33.

³⁰ Relazione. P. 223.

³¹ Мантран Р. Указ. соч. С. 197–199.

Mantran R., Op. cit., S. 197–199.

салютом из аркебуз. Во дворе в форме квадрата были поставлены большие столы с едой для янычар и других солдат.

В зале, куда потом вошли прибывшие, также были накрыты четыре больших стола. Один стол, после того как на него были поставлены свежие фрукты, предназначался для посла Венеции и его свиты, рагузских и французских послов, а также для тех, кто их встречал с турецкой стороны. За остальными тремя расположились турки, греки и некоторые венецианские купцы. Сидевших за столами было так много, что пришлось эти три стола обслуживать дважды. По словам автора отчета, пир был великолепен, продолжался более трех часов, гостям было подано двадцать четыре блюда³².

В последующие два дня посольство совершило четыре визита. В первый они посетили Коджу Синана-пашу (1515/1520–1596), первого визиря (великого визиря) турецкого султана. В этом визите принимали участие венецианский посол и байло со своими свитами. Дом первого визиря, по мнению автора отчета, намного превосходил по величине здания и своему обустройству дворцы «любого среднего джентильюмини итальянского»³³.

Прибывших первый визирь встретил в маленькой комнате, где он восседал на *tamburotto* из бархата кармазинного цвета, вышитого золотом, *tamburotto* находился на возвышении. Вокруг были ковры тончайшей работы. Послы приветствовали великого визиря поклоном в ноги³⁴. В какой-то степени эту процедуру воссоздает Жан-Батист Ван Мур (1671–1737) на своей картине «Аудиенция у Великого Визиря», 1724.

Визирь через драгомана султана поинтересовался, как посольство добралось, выразив надежду, что им сопутствовала удача. На что Джакомо Сорранцо ответил, что поскольку их прибытие в Порту было вызвано столь благородным поводом, что не пристало говорить о неприятностях поездки³⁵.

В беседе с визирем венецианский посол подчеркнул, что одной из основных инструкций, полученных им от правительства Венеции, являлось поручение посетить великого визиря и выразить ему «бесконечную благодарность от всего сердца», поскольку венецианские власти сознавали, что от него (визиря. – *М. Т.*) во многом зависит «продолжение доброго соглашения между его правителем и синьорией»³⁶.

В свою очередь визирь ответил, что он всегда хотел бы быть в согласии с венецианским государством, но этому помехой служат претензии со стороны османского правительства к венецианским властям. Они связаны с тем, что Порту не устраивало то, что, как полагали турки, венецианские власти предоставляли свои порты как убежище судам Испании, Мальты и Тосканы, грабившим турецкие суда. И, по мнению великого визиря, венецианские власти должны запретить доступ и размещение этих судов в

---

³² Relazione. P. 224.

³³ Ibid. P. 225.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibid. P. 226.

своих гаванях, в противном случае же может возникнуть недовольство у султана, что может повлиять на решение о мире³⁷.

Визирь напомнил, что в следующий раз венецианские власти, не дожидаясь приказа Порты, должны сами уведомлять короля Испании и других правителей о том, чтобы их суда не рассматривали порты Венеции как укрытие от преследовавшего их турецкого флота. Поскольку венецианцы должны всегда сознавать тот факт, что если они желают жить в мире с турками, то им следует помнить о том, что всегда существует угроза войны, которую его государь всегда готов начать³⁸.

Так визирь ясно дал понять венецианскому послу, что существующее перемирие на 8 лет, которое было заключено между Венецией и Портой по условиям мира 1573 г., завершившим Кипрскую войну 1570–1573 гг., может закончиться.

На это венецианский посол ответил, что Светлейшая синьория послала его сюда с тем, чтобы присутствовать на празднике обрезаия, что соответствующее приглашение было получено от султана, чтобы принести поздравления и преподнести дары и получить отпускные грамоты, чтобы затем вернуться в Венецию³⁹. Таким образом показав, что сложные вопросы взаимоотношений между Венецией и Портой в его компетенцию не входили. Как написал автор документа, «на это ничего не ответил паша, ни даже добро пожаловать»⁴⁰.

Пока шла эта беседа, к ногам великого визиря были положены дары. Венецианские послы преподнесли великому визирю три куса золототканых тканей, один кусок бархата алтабас, два куса двухцветного бархата, пять кусков дамаска и атлас, четыре штуки ткани, две штуки *renso*, пять голов сахара, четыре *Candelotti*, две *Pettiniere*, две головы пьячентинского сыра⁴¹. По свидетельству венецианского автора, «за все то время, что все это складывали, визирь не поднялся и не посмотрел на это»⁴².

Следующий визит в этот же день был совершен венецианским посольством к Sciaus Pasha, второму визирю (возможно, речь идет о Канижели Сиявуш-паше (Kanijeli Siyavuş Pasha (ум. в 1602 г.)). Ему было поднесено десять одежд, среди которых были одна золототканая и три из бархата. Подобные презенты были поднесены и двум другим визирям – третьему и четвертому: Месси-паше (Hadim Mesih Pasha) и Мехмеду-паше (Джеррах Мехмед-паша (? – начало 1604), которых венецианское посольство посетило на следующий день после визита к великому визирю и второму визирю⁴³.

---

³⁷ Relazione. P. 226.

³⁸ Ibid. P. 227.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid. P. 227–228.

⁴² Ibid. P. 228.

⁴³ Ibidem.

Аудиенция у султана венецианскому посольству была назначена на 27 мая. К султану венецианцев сопровождали Дамад Ибрагим-паша (1517–1601), бейлербей Греции и Улудж Али, капудан-паша (1519–1587)⁴⁴.

На аудиенцию к султану в дворцовый комплекс Топкапы посольство отправилось верхом в двенадцать часов указанного дня. Посольство провели через мраморные ворота с арабскими письменами, и они оказались в Первом дворе. По словам венецианца, здесь они слева увидели храм св. Софии, «который служит теперь для кухни»⁴⁵. Следует заметить, что венецианец ошибся, в первом дворе находился храм св. Ирины, приспособленный для хранения вооружения. Первый двор известен как Двор Янычар, или Парадный двор, обычно его посетители проходили верхом и спешили между первым и вторым двором, потому что только султану было позволено верхом въезжать во второй двор⁴⁶.

Венецианский автор пишет, что посольство, пройдя первый двор, вошло в ворота, охраняемые капыджи (*capigi*) (стражи ворот) с жезлами (бастонами) в руках, спешилось и оказалось внутри второго двора. Второй двор состоял из дворцового госпиталя, кухни, помещений для размещения янычар, конюшен, гарема и Дивана. По словам венецианца, площадь этого двора была не такая большая, как первого, справа размещалась кухня для нужд султана и его двора, слева конюшни султана. В правом углу вместе с луоготененте (генерал-лейтенант) во главе большого портика сидел капитан янычар. Сами янычары, (по мнению посла, их было четыре тысячи), стоя без оружия, занимали всю длину этого портика. Внешне они выглядели торжественно, головы их украшали высокие плюмажи. Удивило посольство то, что такое множество людей не издавало ни малейшего шума⁴⁷.

В конце площади второго двора находились Ворота Счастья, за которым был расположен Третий двор, откуда начиналась приватная зона дворца. Вторым двором использовался султаном для осуществления правосудия и приема аудиенций. Именно там султан принимал венецианских и других послов.

Вошедшие послы и сопровождавшие их лица были встречены капитанами и янычарами и отведены к покоям султана, но перед аудиенцией они были препровождены в помещение с левой стороны лоджии, где были накрыты пять столов.

За первым разместились первый и второй паша и два посла, за вторым Месси и Мехмет паши, Ибрагим-паша и великий канцлер. За третьим

---

⁴⁴ Occhiali // Corsari nel Mediterraneo: Condottieri di ventura. Online database in Italian, based on Salvatore Bono's book. URL: http://www.corsaridelmediterraneo.it/index.php?option=com_content&view=article&id=1383:occhiali&catid=45&Itemid=153. Date accessed: 21 Nov. 2015.

⁴⁵ Relazione. P. 228.

⁴⁶ Мантран Р. Указ. соч. С. 40.

Mantran R., *Op. cit.*, S. 40.

⁴⁷ Relazione. P. 228–229.

– *patanzi* (нишанджи (ответственен за канцелярию и делопроизводство))⁴⁸, за четвертым – все кадиаскери, за пятым – дефтердар (казначей), которым был, возможно, *Kara Üveys Pasha* (дефтердаром был в 1581–1582 гг.), или *Ibrahim Pasha* (*Ibrahim Pasha al-Maqtul*), был дефтердаром в 1582–1583 гг.), или *Okzu-zade Mehmed Pasha* (дефтердар в 1582 г.).

Способ подачи блюд был такой – подавалось одно кушанье, оно съедалось и подавалось другое, так было подано двадцать пять мясных и рыбных блюд, на столе не было ни ножей, ни вилок, ни салфеток, скатертями служили ковры. Из напитков был только шербет, приготовленный из воды и сахара, специй и других ингредиентов, малоприятных на вкус итальянцев. После того, как все было съедено, не были поданы ни фрукты, ни сладости, ни вода, чтобы помыть руки, да и трапеза не была завершена, потому что банкет был продолжен в другом месте⁴⁹.

Посольство должно было вернуться назад, под портик с левой стороны от того места, где размещались янычары, где на расстеленных на земле коврах была поставлена еда. Прибывшие были вынуждены разместиться либо на коленях, либо сесть по-турецки. С точки зрения автора отчета, это было первое неудобство⁵⁰.

Другим было то, что не было столовых приборов («ни ножа, ни вилки») за исключением больших деревянных ложек. Все яства были уже поставлены. В большие горшки были положены блюда из риса и гороха («минестры») ⁵¹. На глубоких тарелках лежали ягнята, жаренные целиком и сваренные большими кусками, что-то сделанное из теста с медом, свернутое в блины, ещё одно кушанье, названное венецианцем «*frittelle*», с кусочками вареной баранины, на которую был положен горох. После окончания трапезы не было подано ни фруктов, ни сладостей⁵². Напиток был подан позже, он состоял из воды и меда, по замечанию венецианца, он всегда подавался вместо вина⁵³.

После того, как посольство завершило трапезу, были подготовлены презенты от синьории для вручения султану. Дары демонстрировали по отдельности янычары и возвращали на место на длинную *tila* – специальную скамью для даров послов. Султану было вручено десять золототканых одежд, два бархата алтабаса, десять цветных бархатов, тридцать восемь штук дамаска и сатина различных цветов, двенадцать кусков тканей темно-лиловых и scarлатных, тридцать частей серебра, стоимостью в целом в четыре тысячи скуди⁵⁴.

⁴⁸ *Мантран Р.* Указ. соч. С. 101, 105.

Mantran R., Op. cit., S. 101, 105.

⁴⁹ *Relazione.* P. 229.

⁵⁰ *Ibid.* P. 230.

⁵¹ *Ibidem.*

⁵² *Ibidem.*

⁵³ *Ibidem.*

⁵⁴ *Ibidem.*

После этого в течение долгого времени послы находились за пределами комнаты, где они ели, ожидая, что паша пригласит их на аудиенцию к султану. Когда последовало приглашение, послы прошли лоджию, вошли в открытую дверь, охраняемую сотней евнухов, прошли короткий проход, который вел в покои султана, по бокам прохода били водой фонтанчики⁵⁵ и оказались в Палате Аудиенций, находящейся справа от Ворот Счастья, перед Третьим двором. Аудиенция у султана, видимо, проходила так, как подобное мероприятие изобразили на своих полотнах Жан-Батист Ван Мур «Ахмед III, дающий аудиенцию в Палате Аудиенций», 1727), Джанантонио Гварди (1699–1760) «Султан, принимающий посольство») и Константин Капидалы (Konstantin Kapıdağlı (года жизни неизвестны) «Султан Селим III, восседающий на троне во время аудиенции», около 1789 г.

По свидетельству венецианского автора, пол покоев, где проходила аудиенция, был весь покрыт коврами из шелковых и золотых нитей, рядом с султаном стоял стул без ножки, лежали подушки, богато отороченные золотом и жемчугом, сам султан был одет в платье, низ которого был шит из белого атласа, а верх из кармазинного⁵⁶.

Вошедшие послы низко поклонились, поцеловав одежду султана, а затем вернулись к двери, встав рядом с пашами. Свита послов так же должна была поклониться султану. Ритуал поклона султану был такой: каждый из них был поставлен между капыджибаши (Капуџи-баши – глава стражи ворот, церемониймейстер) и в их сопровождении был проведен к ногам султана, где преклонял колени, брал один из рукавов его одежды, чтобы поцеловать, затем отходил назад и оказывался перед лицом султана. После того, как эта процедура была завершена, участники посольства покинули покои султана, переместившись на площадь к янычарам и оказавшись в помещении с вельможами султана, ожидая ответа султана. Одновременно с этим действием передавались преподнесенные посольством дары от одного капыджибаши к другому, чтобы оказаться перед глазами султана⁵⁷.

После этого к послам вышел великий драгоман и передал слова султана, сообщив, что султан повторил свое приглашение представителям синьории принять участие на празднике, что султан пожелал каждому процветания, что султан выразил свое расположение по отношению к Венеции. «В ответ ничего не было послами сказано, лишь все как один опустили головы, как будто хотели сказать, что принимали его слова с благодарностью», написал автор отчета⁵⁸. На этом аудиенция закончилась.

Как видим, в дипломатической практике османского государства применялись те же составные элементы, что и в европейском, и в частности в венецианском дипломатическом обиходе. Прибывших встречали важные лица на границе государства, размещали, посольство совершало

---

⁵⁵ Relazione. P. 230.

⁵⁶ Ibid. P. 231.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibidem.

визиты к первым лицам страны, удостоивалось аудиенции по прибытии и отбытии у правителя, вручая свои дары и получая ответные. Правда, опасность состояла в том, что посольство не знало, как может закончиться их визит к турецкому султану, который мог по своему желанию распорядиться их жизнью, включая и заключение в тюрьму⁵⁹.

Надо сказать, что собственно праздничным мероприятиям в отчете венецианского автора уделено немного строк. Но в любом случае все элементы праздника были описаны, а именно: сколько по времени длилось празднество, где проходило, что происходило, кто принимал участие. По словам автора отчета, празднества длились целый месяц, с 21 июня по 21 июля⁶⁰. Правда, он попутно заметил, что «могли бы продлиться и дольше, но этому помешало восстание янычар»⁶¹.

Праздник обрезания сына султана Р. Мантран относит к зрелищам, имевшим «официальный» характер⁶². Мероприятия 1582 г., в которых принимало участие посольство Джакомо Соранцо, по словам Р. Мантрана, было проведено со всевозможной помпой⁶³, действо проводилось на Ипподроме⁶⁴. На площади были поставлены помосты, служившими местами размещения для турецких вельмож и послов. Отдельно был сооружен большой помост для музыкантов, игравших на трубах и барабанах. Венецианец отметил, что эта музыка была гармоничной и приятной⁶⁵. У небольших перил сераля стоял султан с сыном. Сераль был расположен к югу от площади. На площади размещался и сераль султаны и рабынь султана, которые сквозь жалюзи наблюдали за происходящим.

На мероприятии послы размещались сообразно ранжиру. На достаточном отдалении от сераля султана были сооружены помосты. На первом находился паша, за ним размещался помост, предназначенный для посла императора, но его место было ниже, чем место паши, за местом посла императора было отведено место для венецианского посольства, напротив балкона султана стоял помост с местом для посла Персии, а под ним находился помост с местом посла Польши⁶⁶.

Венецианский автор пишет, что посла Франции не было на празднике. По мнению венецианца этому было две причины. Первая состояла в том, что посол Франции рассчитывал занять более высокое место среди иностранных представителей, чем ему было предложено. После долгих обсуж-

---

⁵⁹ Мантран Р. Указ. соч. С. 187, 191; Pedani M. P. Bailo .... P. 73.

Mantran R., *Op. cit.*, S. 187, 191.

⁶⁰ Relazione. P. 232.

⁶¹ Ibid. P. 235.

⁶² Мантран Р. Указ. соч. С. 333.

Mantran R., *Op. cit.*, S. 333.

⁶³ Там же. С. 334.

Ibid, S. 334.

⁶⁴ Relazione. P. 232.

⁶⁵ Ibid. P. 232.

⁶⁶ Ibidem.

дений паши решили, что французский посол займет место в начале площади выше места посла Польши, но ниже места посла императора⁶⁷. Поэтому, по слухам, французский посол, озабоченный таким незначительным местом, предоставленным для французского посольства, и имея приказ от своего короля не присутствовать на церемонии неверных, не принимать участия в празднике, малоподходящем для Христианнейшего короля. По свидетельству венецианца, это просто был благопристойный предлог⁶⁸.

Вторая причина, настоящая, по мнению венецианского автора и «общему мнению», заключалась в том, что французский посол накануне праздника «не поднес дары султану». Правда, по словам венецианца, французский посол одним из первых оказался во время получения ответных даров от султана⁶⁹.

Содержание праздника состояло в различных состязаниях: скачках на лошадях, упражнениях с копьями, в беге, в борьбе и других представлений. Зрители получили огромное удовольствие от этого зрелища⁷⁰. В празднике принимали участие представители торговых и ремесленных корпораций Константинополя, празднично одетые, они организованно шествовали перед султаном. В конце процессии ехала повозка, на которой разыгрывались различные представления, чаще всего изображался процесс той деятельности, которой занималась та или иная корпорация⁷¹. Эти выступления сопровождалась музыкой⁷². Султан и великий визирь раздавали деньги тем, кто произвел на них впечатление удачью и искусством⁷³.

Венецианец пишет, что каждый вечер расстилались вдоль площади циновки и накрывались как столы. На них клались огромные куски туш овец, коров, барашков и других животных, жареных целиком, ставилось бесчисленное количество чаш, полных риса, бобовых и других овощей, каждая чаша была покрыта хлебом. Когда «столы» были накрыты, подавался знак к началу трапезы для всех желающих. Венецианец отметил, что еда поглощалась с необычайной скоростью и жадностью⁷⁴.

Незадолго до этого общественного пиршества в первый день праздника, к часу, называемому в Османской империи, «schendi», или по венецианскому времени в девять часов вечера, был прислан ужин на помост послов и других важных персон. По мнению венецианца, блюда и их сервировка не отличались изысканностью⁷⁵. В час ночи был устроен фейерверк.

---

⁶⁷ Relazione. P. 232–233.

⁶⁸ Ibid. P. 233.

⁶⁹ Ibid. P. 233, 235.

⁷⁰ Ibid. P. 233.

⁷¹ Мантран Р. Указ. соч. С. 151.

Mantran R, *Op. cit.*, S. 151.

⁷² Relazione. P. 233.

⁷³ Ibid. P. 234.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Relazione. P. 234.

Зрелище огненных фигур в ночном небе весьма впечатлило венецианца⁷⁶. Во всяком случае, об этом он пишет с восхищением, а не с таким недовольством, как о напитках и способе сервировке у турок. Вечер, по его словам, закончился тем, что стали бросать в собравшийся народ золотые и серебряные монеты с балкона султана от имени султана и его сына⁷⁷. Видимо, на следующий день, дату автор отчета не указал, в двенадцать часов дня был совершено обрезание Мехмеда, сына султана Мурада III. Процедуру провел Мехмед-паша, цирюльник султана, получив за труды дар «большой ценности от султана и султаны». Как резюме, венецианский автор написал: «и так прошел праздник, который закончился, наконец, 21 июля...»⁷⁸.

Наиболее неприятными моментами в повседневной жизни во время пребывания при дворе турецкого султана для венецианцев являлись вопросы питания, а именно способ сервировки и подачи блюд, отсутствие привычных столовых приборов, и то, что есть приходилось или на коленях, или сидя по-турецки. Насколько приятны на вкус венецианцев были блюда, судить сложно, потому что об этом никаких свидетельств не было ими оставлено, за исключением того, что итальянцам не понравились напитки, подаваемые им вместо вина. Состязания и представления, приуроченные к празднику обрезания, вызвали неподдельный интерес у венецианского посла и его свиты.

Перед отъездом на родину венецианское посольство получило дары от султана. Они состояли из экипированного коня, девяти одеяний, четырнадцати тысяч аспр для путешествия. Конь и два золототканых одеяния предназначались венецианскому дожу и венецианскому правительству, одно одеяние отдано было секретарю посольства, а остальные вещи были распределены среди прочих членов дипломатической миссии. Две лошади и ваза териака были подарены от лица первого визиря⁷⁹.

Одетое в подаренные султаном одежды венецианское посольство нанесло прощальный визит султану с просьбой о разрешении покинуть его двор. Однако, из-за того, что посольство задержалось, нанося визиты османским сановникам, венецианский посол, по словам автора отчета, отложил свое отбытие из Константинополя до более благоприятного времени («чтобы дожидаться тепла, из-за беспокойства о здоровье в пути, поскольку было уже 21 августа») ⁸⁰. Судя по отчёту, это «беспокойство о здоровье» не было лишено основания. Как пишет венецианец, «умолчим о своей немощи и многих других синьоров в Софии, это будет неприятно для тех, кто читает...»⁸¹

Таким образом, экстраординарное посольство, возглавляемое Джакомо Соранцо, в 1582 г. в Константинополь имело значение особой важно-

---

⁷⁶ Relazione. P. 234.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibid. P. 236.

⁸⁰ Relazione. P. 236.

⁸¹ Ibidem.

сти для развития венециано-турецких связей. В своем отчете венецианский исполнитель дипломатических поручений показал сложность этих отношений, специфику посольского этикета двора турецкого султана.

Список литературы:

1. *Карпов С.П.* Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М.: Издательство Московского Государственного университета, 1991.
2. *Мантран Р.* Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2006.
3. *Фрили Д.* Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Смоленск: Русич, 2004. URL: <http://iknigi.net/avtor-dzhon-frili/72780-tayny-osmanskogo-dvora-chastnaya-zhizn-sultanov-dzhon-frili/read/page-6.html>. Дата обращения: 21 ноября 2015.
4. *Alburi E.* Avvertimento // Relazione e diario del viaggio di Jacopo Soranzo ambasciatore della Repubblica di Venezia per il Ritaglio di Mehemet figliuolo di Amurat imperatore dei Turchi l' anno 1581 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Alburi. Serie III. Volume II. Firenze: Tipografia all'Insegna di Clio, 1844.
5. *Alburi E.* Cenni biografici intorno a Giacomo Soranzo // Le Relazioni degli Ambasciatori veneti al Senato durante il Secolo decimosesto / Ed. E. Alburi. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze, 1857.
6. *Dursteler E. R.* The Bailo in Constantinople: Crisis and Career in Venice's Early Modern Diplomatic Corps // Mediterranean Historical Review. Vol. 16 № 2 (December 2001). P. 21. URL: <http://levantineheritage.com/pdf/Dursteler.pdf>. Date accessed: 21 Nov. 2015.
7. *Pedani M. P.* Bailo // Encyclopaedia of the Ottoman Empire / Ed. by Gabor Egoston and Bruce Masters. New York NY, Facts on File, 2009. URL: <http://eknigi.org/istorija/93331-encyclopedia-of-the-ottoman-empire.html>. Date accessed: 14 Jan. 2016.
8. *Pedani M. P.* Elenco degli inviati diplomatici veneziani presso i sovrani ottomani, in: Electronic Journal of Oriental Studies, 5/4 (2002), pp. 1-54. URL: http://venus.unive.it/mpedani/onlinepapers/044_ejos_pedani_envoys.pdf. Date accessed: 14 Jan. 2016.

THE EXTRAORDINARY LEGATION OF GIACOMO SORANZO TO CONSTANTINOPLE 1582

M. V. Tretyakova

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch, *Arzamas,*
Russia

In article features of extraordinary diplomatic mission Venetian noble person by Giacomo Soranzo in Constantinople in 1582 are unveiled. On the basis of the analysis of the report and the diary of travel the ambassadorial eti-

quette of the Turkish diplomatic practice is shown. His elements in the Ottoman Empire were same as in Europe, but at the same time the destiny of embassy was entirely in power of the sultan. The invitation of official representatives of the European governors for participation in a holiday of trimming of the son of the sultan was obligatory, complexity of diplomatic situation Venice consisted in what to refuse such mission in the 16th century the Venetian governors had no opportunity. It is shown that Venetians have disapprovingly apprehended rituals of a kommensalnost at court of the Turkish sultan: they were unpleasantly удивит by lack of table furniture and tableware, impossibility to observe for stly hygiene, improper drinks.

Keywords: *venetian ambassador, the Ottoman Empire, XVI century, relazione, legation.*

Об авторе:

ТРЕТЬЯКОВА Марина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра всемирной истории, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, (Россия, 607220. г. Арзамас, Нижегородской области, ул. К. Маркса, д. 36), e-mail: marinatreyakova@mail.ru

About author:

TRETYAKOVA Marina Vladimirovna – The Candidate of History, he Associate professor, The Dept of World History, The State University of Nizhny Novgorod, The Arzamas branch, (Russia, 607220, Arzamas, K. Marx Str., 36), e-mail: marinatreyakova@mail.ru

References

- Karpov S. P., *Marshruty chernomorskoj navigacii venecijskih galej «linii» v XIV–XV vv.*, Vizantija. Sredizemnomor'e. Slavjanskij mir, M., Izdatel'stvo Moskovskogo Gosudarstvennogo universiteta, 1991.
- Mantran R., *Povsednevnaia zhizn' Stambula v jepohu Sulejmana Velikolepnogo*, M., Molodaja gvardija, Palimpsest, 2006.
- Frili D., *Tajny osmanskogo dvora. Chastnaja zhizn' sultanov*, Smolensk, Rusich, 2004. URL: <http://iknigi.net/avtor-dzhon-frili/72780-tayny-osmanskogo-dvora-chastnaya-zhizn-sultanov-dzhon-frili/read/page-6.html>. Data obrashhenija: 21 nojabrja 2015.

Статья поступила в редакцию 15.10.2015 г.